

**СОВРЕМЕННОЕ
РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКИХ
ГРУПП
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА**

**Часть
2**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ
ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ч. II

Москва 1992

23. ЦТА УзССР. Ф.Р-86. Оп.І. Д.2788. Лл.67-об, 68-об.
24. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып.ІV. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. С.24-26.
25. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения Уз.ССР. Ташкент, 1990. Статсборник. С.60, 66.
26. Там же. С.35.
27. Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., "Наука", 1976. С.75-93.
28. Бабаев К.Р. Языковая ситуация у среднеазиатских евреев. // Материалы научно-практической конференции, состоявшейся в Ташкенте 24-25 декабря 1987 г. "Функционирование национальных языков в Узбекистане в условиях двуязычия и многоязычия и вопросы совершенствования их изучения". Ташкент, "Фан", 1989. С.59-61.

ЕВРЕИ ИЗ МЕШХЕДА И ГЕРАТА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1986 и 1987 гг. нам удалось провести полевые исследования среди потомков еврейских мигрантов из Ирана и Афганистана, осевших в Средней Азии в XIX – начале XX в. Если не считать нескольких дореволюционных газетных публикаций, в которых нашла отражение достаточно остро стоявшая тогда проблема их правового статуса, в Российской империи евреям из Ирана и Афганистана, расселенным в Средней Азии, посвящено лишь одно небольшое специальное исследование И.И.Зарубина, сделавшего попытку охарактеризовать особенности языка евреев, выходцев из Герата, проживавших в Бухаре¹. На причинах иммиграции евреев из Ирана и Афганистана, их правовом статусе, особенностях экономической деятельности и этнокультурном облике останавливались в своих обзорах еврейского населения Средней Азии конца XIX – начала XX в. некоторые другие авторы – путешественник Э.Неймарк, сотрудник аппарата туркестанского генерал-губернатора Н.Фон-дер-Ховен, гебраист Э.Н.Адлер, антрополог С.А.Вайсенберг². Анализ политики властей Туркестанского края в отношении евреев – иностранных подданных в конце XIX – начале XX в. дан в обстоятельной статье Д.Лейви³. Упоминания об интересующей нас группе встречаются и в публикациях последних лет⁴. В предлагаемом исследовании делается попытка проследить историю формирования этой своеобразной группы еврейского населения Средней Азии, особенности ее развития на протяжении XIX – XX в. и современное этническое состояние.

Этническая история евреев Ирана и Афганистана до переселения части их в Среднюю Азию в XIX – начале XX в. изучена лишь фрагментарно. Основные ее этапы, в той ограниченной мере, в какой они могут считаться непротиворечивыми, представляются следующим образом. В результате широко практиковавшейся ассирийскими и вавилонскими завоевателями политики насильственных переселений покоренных народов, значительная часть населения Израильского и Иудейского царств в VIII–VI вв. до н.э. была поселена в Мидии и Вавилонии. Начиная с эпохи Ахеменидов происходило постепенное расселение евреев далее на восток, и в первые века новой эры еврейские общины уже существовали в позднейшем Хорасане, в том числе и в Мерве⁵. В эпоху средневековья эта историко-этнографическая область охватывала территорию современных Восточного Ирана, Северного Афганистана и Юго-Восточной Туркмении. Вероятно, уже в парфянский период евреи, проживавшие восточнее Тигра и Евфрата, стали усваивать в качестве разговорного персидский язык, а при Сасанидах этот процесс принял достаточно широкие масштабы⁶.

В раннем средневековье приток евреев в Хорасан заметно усилился. Арабские источники X в. характеризуют местное еврейское население как весьма многочисленное⁷. В XIII – начале XIV в. в результате опустошительных завоевательных походов монголов, Тимура, Шейбанидов и афганских племен, перманентно возникавших междоусобиц и насильственной исламизации (особенно жестокой в период правления в Иране шиитской династии Сефевидов в XVI – начале XVII в.) численность евреев в Хорасане заметно сократилась. В XVI–XVIII вв. многие из них мигрировали в Среднюю Азию и Индию⁸. Большинство вошло там в состав местных еврейских общин, другие постепенно ассимилировались.

Высказывалось мнение, что вплоть до начала XVI в. ираноязычные евреи, проживавшие на территории современ-

ных Ирана, Афганистана и Средней Азии, сохраняли относительно тесное этнокультурное единство, постепенно утраченное к концу XVIII в.⁹ В основе процесса его распада лежал комплекс причин политического, экономического, демографического и социокультурного характера. Так, в XVI–XVIII вв. в регионе существовали крайне враждебные отношения между местными феодальными деспотиями. Из-за этого постепенно ослабевали связи между еврейскими общинами, оказавшимися по разные стороны государственных границ. Параллельно нарастал экономический упадок, сокращалась численность еврейских общин, заметно снизился уровень духовной культуры. Как результат, возросло влияние окружавшего иноэтничного большинства на язык, отдельные элементы духовной и бытовой культуры местного еврейского населения. Иными словами, складывались условия для развития интенсивных центробежных тенденций в его среде.

Заметным событием истории евреев персидского Хорасана стало переселение Надир-шахом в 30-х годах XVIII в. евреев из ряда городов центрального и западного Ирана (Казвина, Кашана, Биджара и др.) в Мешхед. Вскоре местная община заняла доминирующее положение в социокультурной жизни евреев региона¹⁰. Несмотря на переселение значительной части ее членов в другие города Хорасана на протяжении второй половины XVIII – первой трети XIX в., еврейская община Мешхеда продолжала оставаться наиболее крупной в регионе. Согласно сведениям, собранным в 1821 году Е.К.Мейендорфом, в Мешхеде насчитывалось 300 домов евреев. Более скромную оценку для 1831 г. приводил А.Конолли – около 100 домов евреев. По данным И.Ф.Бларамберга, в 1839 г. в еврейском квартале Мешхеда было 400 домов, что согласуется с оценкой И.Вольфа на 1832 г.¹¹ Небольшие группы евреев проживали тогда и в других городах персидского Хорасана – Себзеваре, Се-рахсе, Нипапуре, Торбате и Герате (в этом городе, нахо-

дившемся лишь в формальной зависимости от Персии, насчитывалось по разным данным от 20 до 50 еврейских семей).

Социальное положение местных евреев как иноверцев (зимми) было крайне тяжелым. Они вели замкнутый образ жизни в особых кварталах (махалли Йехудийе), занимаясь торговлей и ремеслами. Во главе общин стояли старосты (кетхуда), осуществлявшие связи с местной администрацией, и раввины (хахамы), руководившие вместе со старостами внутренней жизнью еврейских кварталов. Внутри своих кварталов местные евреи говорили на ряде еврейско-персидских диалектов, относившихся к северо-западной подгруппе иранских языков, отличных от фарси. Для общения с окружающим населением использовался хорасанский диалект фарси¹².

В 1839 г. евреи Мешхеда стали жертвой кровавого погрома со стороны местных мусульманских фанатиков. Десятки их были убиты, еврейский квартал подвергся разграблению, а все его население под угрозой смерти было вынуждено принять ислам. Убийства, грабежи и насильственная исламизация вызвали массовое бегство евреев из города. Сотни еврейских беженцев из Мешхеда осели тогда в Средней Азии, Кабуле, Маймене, ряде городов Персии, Османской империи и Индии. Но основная их масса направилась в Герат¹³.

Сто пятьдесят еврейских семей, оставшихся в Мешхеде и принявших ислам, образовали крайне замкнутую группу, получившую у окружающего населения известность как "джаддид уль ислам" (новообращенные ислама). Среди евреев за ними закрепилось название "джаддидим" (новообращенные), проникшее в дореволюционную российскую периодику в форме "джедиды". Этническое развитие джедидов в Мешхеде во второй половине XIX – первой четверти XX в. было весьма противоречивым. С одной стороны, они внешне ревностно выполняли предписания ислама, отдавали детей для обучения в мусульманские медресы, старались не отли-

чаться от персов-шиитов в области быта и культуры. Одновременно джедиды втайне продолжали придерживаться основных требований иудаизма. В условиях строгой конспирации функционировали молитвенные дома, велось обучение детей основам иудаизма и древнееврейскому языку. Строго соблюдалась внутригрупповая эндогамия, стойко сохранялось еврейское самосознание. Однако в целом джедиды Мешхеда второй половины XIX – начала XX в. представляли достаточно маргинальную группу, отличную по этнокультурному облику от той части евреев, которые мигрировали из Мешхеда и сохранили принадлежность к иудаизму в открытой форме¹⁴.

Смертельная опасность, грозившая за тайную приверженность к иудаизму, вынуждала многих мешхедских джедидов при первой возможности покидать город. Большинство их направлялось в Герат, который с 1862 года стал частью Афганского государства. К концу 70-х годов XIX века в Герате насчитывалось уже около 300 семей еврейских беженцев из Мешхеда. Здесь они получали возможность открыто исповедовать свою религию.

Сходная ситуация наблюдалась и в Мерве, где еще в первой трети XIX в. временно проживали мешхедские евреи, занимавшиеся торговлей¹⁵. Разрушенный в конце XVIII в. войсками бухарского эмира, Мерв до 1857 г. находился под контролем туркмен-сарыков, а затем (до 1884 г.) туркмен-текинцев. После 1839 г. мешхедские евреи образовали в Мерве постоянную общину, численность которой возрастала за счет притока новых мигрантов из Мешхеда. Посетивший Мерв в 1863 г. востоковед А.Вамбери нашел там уже весьма многочисленную группу евреев¹⁶.

Согласно преданиям, распространенным в настоящее время среди евреев г.Иолатани (Туркменистан), их предки – выходцы из Герата в середине XIX в. поселились в Иолатанском и Пенденском оазисах, где жили туркмен-сарыки.

К 1884-85 гг., когда Юго-Восточная Туркмения была присоединена к России и включена в состав Закаспийской области, там насчитывалось свыше двухсот евреев из Мешхеда, Герата и Бухары. 160 из них проживали в Мерве, где в северо-восточной части укрепленной ставки текинско-го Коушут-хана располагался еврейский квартал.

Евреи жили среди туркмен на правах "покровительствуемых гостей", за что вносили соответствующую плату. Их основным занятием была транзитная торговля с Гератом, Мешхедом и Бухарой. По свидетельствам целого ряда европейцев, побывавших в юго-восточной Туркмении в начале 80-х годов XIX века, туркмены достаточно терпимо относились к религиозным обрядам евреев. В Мерве с 1871 г. существовала синагога. Евреи, проживавшие в Мерве, Иолотани, Пенде (совр. г. Тахта-Базар) и Серахсе, сохраняли тесные связи с Гератом и Мешхедом, где у многих из них оставались семьи. В Герат посылали детей для обучения еврейской грамоте и основам иудаизма. После присоединения региона к России местные евреи сохранили подданство Ирана и Афганистана ¹⁷.

В новообразованной Закаспийской области российская администрация взяла курс на упрочение оседлости, всячески поощряла развитие торговли и ремесел. Много внимания уделялось установлению связей с сопредельными районами Персии и Афганистана. Учитывая значимость вклада евреев-выходцев из Мешхеда и Герата - в развитие торговли с Персией и Афганистаном, власти не стали чинить препятствий тем из них, кто переселялся в Мервский уезд. Таким образом, в Закаспийской области, как и во всем Туркестанском крае, в 80-х гг. XIX в. не действовали многие из дискриминационных в отношении евреев-иностранцев подданных пунктов общеимперского иммиграционного законодательства, серьезно ограничивавшего их право на переселение в пределы России. В результате, уже в 1887 г. число евреев в Мервском уезде достигло трехсот человек, из которых бо-

лее двухсот было сосредоточено в Мерве ¹⁸.

Однако после принятия в 1887 г. "Положения об управлении Туркестанского края" права евреев-иностранцев подданных в Закаспийской области были существенно урезаны: им было запрещено приобретать недвижимость. Более того, в 1895 г. был издан указ о выселении их из пределов России. Только угроза серьезного подрыва торговых связей с Персией и Афганистаном заставила власти отказаться от столь радикального решения и ограничиться указанием, что евреи-иностранцы подданные с 1895 г. пользуются в Закаспийской области лишь правом "временного жительства". В 1902 и 1906 гг. попытки выселения евреев-иностранцев повторялись, но из-за их явной экономической нецелесообразности так и не были осуществлены ¹⁹.

Несмотря на явное ухудшение ситуации, иммиграция евреев из Герата и Мешхеда в Закаспийскую область продолжалась. По воспоминаниям старожилов, верх брали прежде всего чисто экономические интересы. Но немаловажную роль играли тяжелое положение джедидов в Мешхеде и общая крайне нестабильная обстановка в северном Афганистане. Большинство новых переселенцев оседало в Мерве, но некоторые селились в Тахта-Базаре, Иолотани, Серахсе, Байрам-Али, Ашхабаде, Теджене и Каахке. Отдельные семьи мигрировали и за пределы Закаспийской области - в Самарканд, Ташкент, Коканд.

Создается впечатление, что процесс миграции в конце XIX - начале XX в. носил преимущественно нелегальный характер. Лишь джеяды из Мешхеда иногда получали официальное разрешение на въезд в пределы России в качестве переводчиков. Но так или иначе, несколько сотен семей евреев и джедидов смогли поселиться в русском Туркестане в предреволюционные десятилетия, затерявшись среди 60-100 тыс. иммигрантов из Персии и 6-7 тыс. из Афганистана ²⁰. Исходя из этого, можно предположить, что данные о численности еврейского населения, содержащиеся в "Обзорах За-

каспийской области" за 1890-1906 гг., а также в материалах переписи населения 1897 г. значительно ниже реальных. Это подтверждается и тем, что после энергичных усилий местной администрации по выявлению в 1907-1910 гг. евреев-иностранцев подданных, расселенных в Закаспийской области, общая численность еврейского населения в Мервском уезде, согласно "Обзору Закаспийской области" подскочила с 562 чел. в 1906 г. до 1.074 чел. в 1908 г.²¹

В 1910 г. начальник Закаспийской области оценивал численность евреев из Мешхеда, Герата и Бухары, проживавших в Мервском уезде, уже в 332 семейства. Кроме того, свыше 240 чел. имелось в Тедженском уезде и Байрам-Али²⁴. Таким образом, в 1910 г. только в Закаспийской области насчитывалось не менее 2 тыс. евреев-иностранцев. Из них около четверти составляли выходцы из Герата, которых было более 100 семейств. Подавляющее большинство остальных мигрировали из Мешхеда, поскольку по данным наших информаторов, бухарских евреев было тогда в Закаспийской области всего лишь несколько десятков семейств.

В конце XIX - начале XX в. практически единственным занятием евреев из Мешхеда и Герата, проживавших в русском Туркестане, была торговля. Большинство держало лавки на пристанционных базарах Закаспийской железной дороги или занималось корабейничеством в кочевьях туркмен. Крупные купцы из среды джедидов играли активную роль в транзитной торговле с Мешхедом, Гератом, Бухарой, Самаркандом и Ташкентом.

Несмотря на тесные взаимные контакты, включавшие многочисленные случаи браков, общность языка и близость большинства элементов быта и культуры, между джедидами из Мешхеда и евреями из Герата, расселенными в Закаспийской области в предреволюционные годы, существовали определенные этнокультурные различия. Насколько позволяют судить отрывочные наблюдения современников и собранные нами воспоминания старожилов, это касалось прежде всего особен-

ностей социальной организации и стереотипов поведения при общении с иноэтничным населением.

Гератские евреи, сосредоточенные в пределах еврейских кварталов Мерва, Тахта-Базара и Иолотани, строго придерживались предписаний иудаизма и в быту стойко сохраняли весь комплекс обычаев, сформировавшийся в еврейских общинах Ирана и Афганистана в эпоху средневековья²⁵. Контакты с окружающим населением были у них весьма ограничены и сводились преимущественно к сфере экономической деятельности.

Среди выходцев из Мешхеда выделялись две весьма отличных друг от друга группы. Первую составляли семьи, осевшие в Юго-Восточной Туркмении преимущественно до 1887 г. и с тех пор открыто исповедовавшие иудаизм. Эти семьи, как правило, проживали в еврейских кварталах Мерва и Серахса, мало в чем отличаясь от своих соседей - выходцев из Герата. Однако таких было меньшинство. Остальные, переселяясь в русский Туркестан, скрывали свое происхождение и выдавали себя за персов-шиитов. Они селились вне еврейских кварталов, продолжали внешне придерживаться мусульманского образа жизни, в дни больших исламских праздников посещали мечети, иногда отдавали своих детей для обучения в мусульманские медресы. Как правило, это были люди, поддерживавшие тесные торговые связи с Мешхедом или имевшие там близких родственников. Среди прочего, так вводилась в заблуждение и местная российская администрация, стремившаяся с конца XIX в. поставить евреев-выходцев из Мешхеда в такое же бесправное положение, как и других иностранцев-евреев.

Иными словами, в условиях постоянной угрозы мести со стороны мусульманских фанатиков в Мешхед и дискриминационной политики российской администрации, большинство евреев-выходцев из Мешхеда предпочитало и в пределах России вести образ жизни джедидов. Их контакты с еврейской общиной носили тайный характер и сводились по большей

части к проведению иудейских религиозных обрядов, связанных с основными этапами жизненного цикла. В то же время, как свидетельствуют их потомки, джедиды Закаспия сохраняли еврейское этническое самосознание, строгую брачную эндогамию (браки заключались ими в своей среде, или с мешхедскими, гератскими и бухарскими евреями). В домашних условиях джедиды Закаспия стремились придерживаться еврейских обычаев, все дети получали необходимое еврейское образование. В домах наиболее уважаемых людей существовали тайные синагоги ²⁴.

Те же мешхедские и гератские евреи, а также джедиды, которые в рассматриваемый период селились в Самарканде, Ташкенте, Коканде и Бухаре и из-за своей малочисленности не имели возможности сохранять этнокультурное своеобразие, на протяжении одного-двух поколений сливались с бухарскими евреями. Что же касается контактов с поселившимися в Закаспийской области в конце XIX - начале XX в. евреями-ашкеназами из Европейской России и горскими евреями из Бакинской губернии, то они носили достаточно спорадический характер. Сказывались существенные различия в языке и этнокультурном облике. К тому же, ашкеназы и горские евреи (последних было всего несколько десятков) селились в основном в городах Ашхабаде и Красноводске, то есть на значительном удалении от района сосредоточения мешхедских и гератских евреев (лишь в Мерве в то время проживало несколько семей евреев-ашкеназов).

В 1910 г. гератские евреи были подвергнуты поголовному выселению из пределов России, поскольку по действовавшему тогда законодательству евреям-иностранцам не разрешалось постоянно проживать на территории империи. Депортация коснулась и значительной части выходцев из Мешхеда, открыто исповедовавших иудаизм. Эти draconические меры были проведены в рамках кампании по удалению из русского Туркестана всех евреев-иностранцев подданных ²⁵.

Большинство депортированных вновь направились в Герат, другие осели в Бухарском эмирате (в городах Керки и Бухаре), отдельные семьи нелегально вернулись в Закаспийскую область, но лишь после февральской революции 1917 г. Этот процесс стал носить достаточно массовый характер. Тогда же небольшие группы гератских и мешхедских евреев переселились в Самарканд, Ташкент и Коканд. Согласно материалам первой советской переписи населения 1920 г. в Туркмении насчитывалось 729 "туземных евреев" (под этим названием фигурировали гератские, мешхедские и бухарские евреи) ²⁶. Однако трудно сказать, насколько эти данные соответствовали действительности из-за низкой точности переписного учета.

Миграция гератских и мешхедских евреев в СССР продолжалась вплоть до середины 20-х годов. В итогах Всесоюзной переписи населения 1926 г. они, судя по всему, отмечены как "евреи-иностранцы", а также как евреи (без уточняющего этнонима), которых в Мервском, Керкинском и Чарджоуском округах Туркменской ССР в целом было зарегистрировано 1.481 чел. ²⁷. Впрочем, в это число, несомненно, должно было войти и какое-то сравнительно небольшое количество ашкеназов, бухарских и горских евреев, проживавших в Мерве, Чарджоу и Керки.

Наши информаторы, независимо друг от друга, указывали, что в середине 20-х годов в Мерве было более 100 семей евреев - выходцев из Герата и Мешхеда; в Иолотани, Байрам-Али, Керки и Тахта-Базаре - по 20-30 семей в каждом и еще свыше 50 семей в Серахсе, Каахке, Душаке, Ашхабаде, Самарканде, Ташкенте, Коканде и Бухаре. Основываясь на этом, и с учетом данных переписи 1926 года, можно полагать, что общая численность группы в тот период могла достигать 1,5 тыс. человек.

В Мерве гератские и мешхедские евреи жили компактно в еврейском квартале на берегу реки Мургаб (в районе современных Комсомольской и Заманской улиц). Составляя около

половины местного еврейского населения, они были объединены в две земляческие общины. Имелось две синагоги "кениссо Машади" (т.е. выходцев из Мешхеда) и "кениссо Хароти" (выходцев из Герата). В середине 20-х годов отдельные кварталы мешхедских и гератских евреев существовали в Иолотани и Тахта-Базаре. В других городах они жили в кварталах бухарских евреев или дисперсно.

С конца 20-х годов начался обратный отток мешхедских и гератских евреев в Иран и Афганистан, который заметно усилился в начале 30-х годов. Основной причиной эмиграции было резкое усиление экономического, а затем и административного давления органов власти на частных торговцев. В результате многие семьи лишились основного источника доходов. Следует указать, что тогда эмигрировали практически все джедиды - в своем большинстве крупные купцы. По оценкам наших информаторов, к середине 30-х годов в СССР осталось менее 1 тыс. гератских евреев и лишь отдельные семьи выходцев из Мешхеда и их потомков.

В 1937-38 гг. в рамках кампании по депортации иностранных подданных из приграничных районов СССР, гератские и мешхедские евреи из Керки, Тахта-Базара и Серахса были выселены в Байрам-Али и Иолотань. Тогда же практически все взрослые мужчины, сохранявшие до середины 30-х годов иностранное подданство, были обвинены в "подрыве безопасности государства" и на основе сфабрикованных дел осуждены особыми совещаниями частью к расстрелу, частью к длительным срокам заключения или ссылки. По мнению ряда информаторов, массовые репрессии 1937-38 гг. в конечном итоге привели к сокращению численности мешхедских и гератских евреев в СССР по крайней мере на 15-20 %.

При проведении Всесоюзных переписей населения 1937, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. интересующая нас группа отдельно не выделялась. Мешхедские и гератские евреи вместе с проживавшими в Средней Азии ашкеназами, а также частью бухарских и горских евреев фигурировали в материа-

лах переписей как "евреи" (без уточняющего этнонима). Это, естественно, затрудняет анализ динамики их численности. Но, исходя из оценок наших информаторов в различных городах Средней Азии, можно полагать, что численность мешхедских и гератских евреев в СССР за последние полвека росла крайне медленно и в настоящее время едва ли превышает 1 тыс. человек.

Около половины из них проживает сейчас в Туркмении, в том числе 0,4 тыс. в Марыйской области (в Иолотани - около 160 чел., в г. Байрам-Али - более 130 чел., несколько десятков человек в г. Мары (бывший Мерв). По несколько семей имеется в Ашхабаде, Чарджоу, Керки. В Узбекистане и Таджикистане (прежде всего в Самарканде, Душанбе, Ташкенте) расселено еще несколько сотен гератских и мешхедских евреев, в своем подавляющем большинстве состоящих в браках с бухарскими евреями. Лишь в Иолотани еще сохраняются следы их компактного проживания. В других городах мешхедские и гератские евреи расселены дисперсно или в кварталах бухарских евреев.

Семьи гератских и мешхедских евреев были традиционно многодетны. Как свидетельствуют составленные нами генеалогии поселившихся в Туркмении в конце XIX в. двух семей из Герата (включающие около 200 человек, в том числе 78 женщин), в первой четверти XX столетия средний показатель деторождения достигал 8,6, во второй четверти - 5,6, в третьей четверти - 3,2, а в последние годы - 2,7. Несмотря на заметное падение уровня рождаемости в послевоенные десятилетия, для группы, несомненно, характерен и в настоящее время достаточно высокий уровень естественного прироста (не в последнюю очередь из-за заметного снижения уровня смертности, прежде всего детской).

Отсутствие же роста численности группы, констатируемое всеми нашими информаторами, можно объяснить интенсивным процессом слияния с более многочисленными бухарскими евреями и эмиграцией нескольких десятков семей в Израиль в 70-х годах.

Основным каналом слияния с бухарскими евреями служат многочисленные межгрупповые браки. В большинстве случаев, такие браки ведут к переселению из Туркмении в Узбекистан и Таджикистан. Следует указать, что браки между евреями-выходцами из Мешхеда и Герата, селившимися в Средней Азии, и бухарскими евреями имеют длительную традицию и воспринимаются представителями обеих групп в настоящее время вполне нормально. Интересно, что за потомками от таких браков по мужской линии среди бухарских евреев в течение нескольких поколений сохраняется прозвище (калам) "ирони". Причем в данном случае этот термин обозначает выходцев из Ирана в его широком историко-географическом понимании.

В настоящее время в Иолотани до одной десятой всех евреев — потомков выходцев из Герата и Мешхеда состоят в браках с бухарскими евреями, в Байрам-Али — более одной пятой, а в Мары — около трети. В Самарканде, Душанбе и Ташкенте таких браков подавляющее большинство. В то же время, этнически смешанные браки встречаются относительно редко. Так, в Иолотани одна женщина вышла замуж за армянина, в Байрам-Али у двух мужчин жены русская и немка, а у одной женщины муж — перс.

Динамику брачной избирательности можно проследить на примере уже упоминавшихся двух генеалогий. В первом поколении (начало XX в.) заключено 2 брака, оба внутригрупповых. Во втором поколении (вторая четверть XX в.) — 16 браков, из них 9 внутригрупповых, 6 браков с бухарскими евреями и 1 этнически смешанный брак с русской женщиной. В третьем поколении (третья четверть XX в.) — уже 38 браков, из них 6 внутригрупповых, 30 браков с бухарскими евреями, 1 брак с русской и 1 — с татаркой. В четвертом поколении — 24 брака, из них 3 внутригрупповых, 19 с бухарскими евреями и 1 брак, в котором муж — армянин.

Современное брачное поведение во многом определяется традициями, которые поддерживаются людьми старшего поко-

ления. Глава семьи (в полных семьях это всегда мужчина) пользуется большим уважением. До середины этого столетия еще сохранялись пережиточные формы большой неразделенной семьи, когда женатые сыновья жили вместе с родителями, ведя во многом совместное хозяйство. В настоящее время наиболее широко распространена двухпоколенная семья, состоящая из родителей и детей. Иногда встречаются семьи, где наряду с родителями и несовершеннолетними детьми живет один из женатых сыновей, старики-родители, а иногда и другие родственники.

Вплоть до начала 30-х годов был распространен обычай левиратного брака. Среди состоятельных людей встречались случаи многоженства. В настоящее время достаточно часты браки на двоюродных братьях и сестрах.

Гератские и мешхедские евреи, живущие в Средней Азии, лишь в рудиментарной форме сохраняют религиозную традицию, которая мало чем отличается от таковой у бухарских евреев. До середины 30-х годов в Мары, Иолотани, Керки, Тахта-Базаре и Самарканде у них были свои синагоги или, как их называют в Средней Азии, кениссо. В настоящее время основные даты иудейского религиозного календаря (Рош-Хашана, Иом-киппур, Песах и др., отмечаются в домашних условиях, в кругу родственников. Широко распространен обычай отмечать годовщину смерти близких "яшуво", когда приглашаются наиболее уважаемые старики, все родственники, друзья.

Вследствие отсутствия хакамов (раввинов) обряды обрезания, совершеннолетия, бракосочетания и похоронный сохранили лишь некоторые элементы сложившейся в эпоху средневековья религиозной традиции.

В Иолотани функционирует общее для всех гератских и мешхедских евреев кладбище, где хоронят умерших также из Байрам-Али и Мары. Отдельные старики еще помнят древнееврейский язык, во всяком случае, могут на нем читать. Субботний отдых и законы кашрута соблюдают только люди

старшего и, частично, среднего поколений.

В бытовой культуре каких-либо специфических черт, отличающихся от таковых у окружающего русскоязычного населения, ни в Байрам-Али, ни в Мары, ни в Иолотани нам обнаружить не удалось. По рассказам информаторов, в некоторых семьях иногда готовят суп "гунды" и мясное блюдо "чолов", характерные для персов Хорасана, но не встречающиеся у бухарских евреев и туркмен. Насколько нам удалось установить, люди старшего поколения еще помнят отдельные предания, сказки, пословицы и поговорки, песни, в некоторой своей части отличные от фольклора бухарских евреев.

Традиционный именник группы состоит из имен библейского происхождения, произносимых в настоящее время достаточно эклектично (Элиогу, Моше, Иссахар, Иосаф, Беньямин, Яков, Леви, Аарон, Авраам, Эстер, Мариа, Иохевед, Сара, Лиа и др.). У молодежи и детей, особенно девочек, появилось довольно много русских и западноевропейских заимствований (Светлана, Тамара, Нина, Елизавета, Сусанна; у мальчиков - Владимир, Александр, Альберт, Эдуард). Как и у других восточных еврейских групп на территории СССР, современный именник евреев - потомков выходцев из Герата и Мешхеда подвергся еврейско-ашкеназской и русской адаптации (Гриша, Борис, Роман, Рита, Роза, Люба, Соня).

Фамилии гератских и мешхедских евреев в Средней Азии во многом сходны с фамилиями бухарских, горских, курдистанских евреев. В своем подавляющем большинстве они произошли из отыменных форм (Рафаилов, Абрамов, Ильяс, Левиев, Мехтиев и т.д.). Наследственно передающиеся фамилии появились три-четыре поколения назад, большей частью в пореволюционный период.

Наши информанты, указывая на близость своего языка к фарси, называли его "гилеки". В литературе упоминалось о бытовании в Герате особого еврейско-персидского диалекта

"гилеки", отличного от одноименного иранского языка Прикаспия ²⁸.

В 1921 г. сотрудник экспедиции Еврейского Историко-Этнографического Общества в Петрограде И.С.Дурье записал в Бухаре от уроженца Герата Шломо бен Ионатана Рафаилова несколько слов и выражений. Исследовавший эти тексты И.Зарубин, оговорив предварительность выводов из-за специфики языкового материала (запись была произведена русским шрифтом и еврейской графикой, частично не огласованной) и их краткости, констатировал отличие от других известных ему еврейско-персидских диалектов в области морфологии. Последнее дало повод И.Зарубину склониться "к предположению о возможной искусственности этого языка и отнесению его к категории "жаргонов" (т.е. арг. - М.К.), которыми пользуются намеренно и лишь в известной обстановке" ²⁹. В середине 80-х годов изучением языка гератских евреев в Туркмении занималась филолог Х.Даниэлова. К сожалению, результаты этого исследования до сих пор не опубликованы. Можно лишь предполагать, что этот языковой идиом, как и другие еврейско-персидские диалекты, сложившиеся в эпоху средневековья на основе среднеперсидского языка, входит в северо-западную подгруппу иранских языков, отличных от современного фарси. Впрочем, еврейско-персидский диалект гератских и мешхедских евреев Средней Азии фонетически и лексически отличается и от еврейского диалекта таджикского языка, которым пользуются бухарские евреи.

В настоящее время активными носителями "гилеки" являются лишь люди старшего и среднего поколений. Молодежь в своем подавляющем большинстве владеет им уже пассивно. Практически все гератские и мешхедские евреи Средней Азии вне дома говорят по-русски. Многие знают и туркменский язык.

Еще недавно у языка "гилеки" существовала письменная традиция, сейчас практически исчезающая. Все мужчи-

ны могли писать и читать. Использовалась еврейская графика (квадратное письмо). До начала 30-х годов в Мары существовала еврейская школа, где обучение велось на фарси. Там же в конце 20-х годов функционировал самодельный театальный коллектив, ставивший спектакли на "гилеки". С начала 30-х годов дети учатся в русских школах.

Современное этническое самосознание гератских и мешхедских евреев в Средней Азии несет отпечаток их своеобразной этнической истории. Прежде всего следует отметить его сложную трехступенчатую структуру. Так, называя себя в беседе по-русски "евреями", они подчеркивают свое отличие от других живущих рядом еврейских групп (бухарских евреев, ашкеназов). Основной упор при этом делается на различиях в языке, этнокультурных традициях. Немаловажное значение имеет и четкое представление об относительно недавнем переселении из Герата и Мешхеда (среди людей старшего поколения еще встречаются уроженцы этих горстдов). Одновременно сохраняется внутригрупповое деление на потомков - выходцев из Герата ("хароти") и Мешхеда ("машади").

Интересно также, что хароти весьма смутно помнят о событиях в Мешхеде в 1839 г. и о массовом переселении мешхедских евреев в Герат. Но при этом они подчеркивают свое отличие от других еврейских групп, проживавших в Афганистане - ковули и балхи (т.е. евреев Кабула и Балха). В этом плане историческая традиция лучше сохраняется среди машади.

Гератские и мешхедские евреи, переселившиеся в Узбекистан и Таджикистан, как правило, сохраняют особое самосознание лишь в первом и втором поколениях, поскольку подавляющее их большинство состоит в браках с бухарскими евреями. В последующих поколениях их потомки, теряя языковую и этнокультурную специфику, считают себя бухарскими евреями.

Особенности этнического самосознания нашли отражение в этнонимии группы. Так, параллельно используются в качестве самоназвания этнонимы - эври, яхуди (еврей), бане исроел (сыновья Израиля), ирони (выходец из Ирана в его широком историко-культурном понимании), хароти (выходец из Герата), машади (выходец из Мешхеда). В русскоязычном варианте используются этнонимы "иранские", "гератские" или "мешхедские" евреи.

В то же время подавляющему большинству наших информаторов были неизвестны этнонимы джеддид и мусаи (так их называли в прошлом соответственно персы и туркмены). Это же относится и к терминологии типа "персидские евреи", "афганские евреи", которая использовалась в публикациях конца XIX - начала XX в. Бухарские евреи называют гератских и мешхедских евреев Средней Азии и ирони (иранские евреи). В паспортах все наши информанты записаны евреями.

Несмотря на свою малочисленность, гератские и мешхедские евреи в Средней Азии и прежде всего те из них, кто проживают в Туркмении, сохраняют известную этнокультурную самобытность и ярко выраженное групповое самосознание. Это позволяет, даже учитывая активно протекающий процесс консолидации с бухарскими евреями, выделить их как особую субэтническую группу еврейского населения СССР, все еще имеющую много общего с т.н. иранскими евреями, основная масса которых сосредоточена в настоящее время в Израиле (около 120 тыс. человек), США (около 40 тыс.) и Иране (22 тыс.).

1. Зарубин И.И. О языке гератских евреев // Доклады Российской Академии Наук. Л., 1924. № 11-12. С.181-183.
2. Неймарк Э. Маса бедрец ха-кедем. Иерусалим, 1948. С.97; (на яз.иврит). Фон-дер-Ховен Н. О среднеазиатских евреях // Будущность. СПб., 1900. № 23. С.468-469; Adler E.N. Jews in Many lands. Philadelphia, 1905. P.214; Вайсенберг С.А. Евреи в Туркестане // Еврейская Старина. 1912. Вып.4. С.403-405; Вайсенберг С.А. Современные марраны // Еврейская неделя. 1916. № 14-15. С.81-83.
3. Лейви Д. Положение евреев при Куропаткине // Туркменоведение. Асхабад, 1930. № 11. С.18.
4. Даниэлова Х. Габраизмы в таджикском языке среднеазиатских евреев // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч.1. М., 1988. С.96; Занд М. Яхадут бухара векибут асия хатихона бидей ха-русим // Пя'амим. 1988. Т.35. С.57 (на яз.иврит).
5. Neusner J. Jews and Judaism under Iranian Rule: Bibliographical Reflection // History of Religions. 1968. N 8. P.139-171; Занд М. Хитуашвут ха-йехудим беасия хатихона бимей кедим увимей хабеухаим хаикданим // Пя'амим. 1988. Т.35. С.4-7 (на яз.иврит).
6. Lazard G. de Judeo-Persien ancien entre le Pehlevi et le Persien // Transition periods in Iranian History. Leuven, 1987. P.167-176.
7. Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л., 1939. Т.1. С.148, 175, 191, 201; Fischel W.J. The Jews of Central Asia (Khorasan). P.29-50.
8. Fischel W.J. The Jews in Medieval Iran from the 16th to the 18th centuries; Political, Economical and Communal Aspects // Irano-Judaica. 1982. P.285-286; Mooren V.B. The Problems of Conversion among Iranian Jews in the 17th and 18th centuries // Iranian Studies. 1986. Vol.19. N 3-4. P.215-228.
9. Lewis B. The Jews of Islam. Princeton, 1984. P.111-112.
10. Фишел В. Кехилат хаанусим бе-парас // Цион. 1936. № 1. С.49-79 (на яз.иврит); Нецер А. Корот анусим машад // Пя'амим. 1990. Т.42. С.127-156 (на яз.иврит).
11. Мейндорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С.95; Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии // Записки Русского Географического Общества. 1853. Кн.7. С.235; Conolly A. Journey to the North India, overland from England, through Russia, Persia and Afganistan. London, 1834. Vol.1. P.303; Wolff J. Travels and Adventures. London. 1861. P.312.
12. Lazard G. La Dialectologie du Judeo-Persien // Studies in Bibliography and Booklore. Cincinnati. 1968. Vol.8. P.77-98; Gar Shater E. The Jewish Communities of Persia and their dialects // Memorial J.de Menasce. Louven. 1974. P.453-466.
13. Ben-Zvi I. The Eciled and the Redeemed. Jerusalem. 1976. P.116-117.
14. Фишел В. Кехилат хаанусим бе-парас. С.56-62; Нецер А. Корот анусим машад. С.135-148.
15. Борнс А. Путешествие в Бухару. М. 1849. Ч.3. С.359; Wolff J. A Mission to Bokhara in the years 1843-1854. 2 ed. N.Y.-Washington, 1969. P.113.
16. Вамбери А. Очерки жизни и нравов Востока. СПб., 1877. С.280.

17. Алиханов А. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883. С.32; Лассар П.М. Юго-Западная Туркмения // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.13. СПб., 1884. С.20; Сообщение генерала Лемсдедена в Королевском Географическом Обществе в Лондоне // Там же. Вып.16. СПб., 1885. С.246; Неймарк Э. Указ. соч. С.101.
18. Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год. Асхабад. 1897, ведомость Б.
19. Лейви Д. Указ.соч. С.18.
20. Фон-дер-Ховен Н. Указ.соч. С.468-469; Вайсенберг С.А. Современные марраны. С.81-84; Матвеев А.М. Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю. Ташкент. 1977. С.15.
21. Обзор Закаспийской области за 1906 год. Асхабад. 1907. С.13; Обзор Закаспийской области за 1908 г. Асхабад. 1910. С.6.
22. Правовое положение // Рассвет. 1910. № 29. С.17.
23. Brauer E. The Jews in Afganistan: an Anthropological Report // Jewish Social Studies. 1942. N 4. P.121-138.
24. Вайсенберг С.А. Современные марраны. С.81-84.
25. Лейви Д. Указ.соч. С.18; Вайсенберг С.А. Современные марраны. С.81-84; Бенари А. Дждиды // Туркестанский курьер. 1910. № 195. С.2.
26. Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике. Ч.1. Вып.1-2. Ташкент. 1922. С.40.
27. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.ХVI. М., 1928. Табл.6.
28. Краткая Еврейская энциклопедия. Т.2. Иерусалим. 1982. С.449.
29. Зарубин И.И. Указ.соч. С.183.

БЕЛУДЖИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

На территорию Туркменистана белуджи стали переселяться с конца XIX – начала XX века из Ирана и Афганистана и в настоящее время они проживают в долине реки Мургаб, в Иолотанском, Туркмен-Калинском и Байрам-Алийском районах. Небольшое число белуджей расселено также в Таджикистане и Казахстане. По переписи 1959 г. белуджей в СССР насчитывалось 7.800 человек, из них 7.626 человек жили на территории Туркменистана. Перепись 1979 г. показала увеличение численности белуджей до 18.997 человек, а в 1989 г. их насчитывалось уже почти 30 тыс. человек (29.091).

Белуджи Туркменистана являются частью более, чем четырехмиллионного народа, размещенного на юго-востоке Иранского нагорья и разделенного волею истории и политических разграничений между тремя государствами – Ираном, Афганистаном и Пакистаном (до образования государства в 1947 г. входили в состав Британской Индии). В каждой из этих стран белуджи традиционно расселены на территориях, которые, согласно административному делению стран, носят название Белуджистан.

Белуджский язык – балучи – принадлежит к северо-западной группе иранских языков и по звуковому составу он близок к среднеперсидскому языку. Многочисленные диалекты белуджского языка объединяются в две группы: восточные или индо-афганские, содержащие заимствования из синдхи, и западные, включающие множество арабских и персидских слов. Между группами языков имеются и фонетические различия. Язык белуджей Туркменистана одинаков

БУХАРСКИЕ ЕВРЕИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ

В первой трети XIX в. ираноязычные евреи в Центральной Азии были расселены в еврейских махалах и гузарах²⁸ ряда городов и базарных кишлаков Бухарского эмирата, Шахрисабзского бекства и Хивинского ханства, но подавляющее их большинство было сосредоточено в Бухаре. В пределах Кокандского ханства постоянного еврейского населения тогда не было. Не позднее начала 40-х гг. XIX в. евреи из Бухары и, возможно, из Самарканда относительно регулярно стали торговать в Хазрат-Султане²⁹ [Wolff 1856: 404], который в первой половине XIX в. был одним из крупных торговых центров Кокандского ханства на Сырдарье. Как представляется, появление евреев в Хазрат-Султане, а затем и в пограничной кокандской крепости Ак-Мечеть³⁰ [Добромыслов 1912: 103], в нижнем течении Сырдарьи можно связывать с заметной активизацией российско-среднеазиатской торговли на караванном пути Бухара–Оренбург. Российские власти, стимулируя товарообмен на своих юго-восточных границах, видели в этом эффективный механизм усиления влияния России в Центральной Азии в ходе ужесточившегося во второй четверти XIX в. противостояния в данном регионе британской экспансии.

Именно в таком контексте находит объяснение беспрецедентное для жесткой антиеврейской политики России во второй четверти XIX в. исключение для евреев – подданных центрально-азиатских государств. В 1833 г. им, в отличие от других иностранных евреев, было позволено вступать в купеческие гильдии в губерниях вне пределов активно складывавшейся черты постоянной еврейской оседлости. В 1842–1844 гг. евреи, прибывшие из Бухарского эмирата и Хивинского ханства на меновые дворы Оренбурга и Троицка, получили право следовать далее вглубь Российской империи на Нижегородскую, Ирбитскую и в г. Курске ярмарки [Гессен [1913]: 2006; Каганович 2003 а: 306–307]. В свою очередь власти Бухарского эмирата и Кокандского ханства, получая с еврейских купцов куда более вы-

сокий зякат,³¹ чем с мусульманских купцов, также способствовали их торговой деятельности, в т. ч. на караванном пути из Бухары в Оренбург.

После взятия российским войсками в 1853 г. Ак-Мечети и стабилизации ситуации евреи в середине 50-х гг. вернулись и продолжали торговать в этой крепости, переименованной в Форт-Перовский (с 1867 г. Перовск³²). Несколько ранее в 1847 г. в низовьях Сырдарьи было создано российское укрепление Раим, где уже в 1851 г. среди постоянно торговавших отмечались и евреи [Каганович 2003 б: 21]. В 1855 г. это укрепление было перенесено вверх по Сырдарье в урочище Казалы, где вновь возведенное получило название Форт № 1 (на месте последнего в 1867 г. был заложен г. Казалинск). В 1856 г. там торговали 2 бухарских еврея, к 1859 г. их число возросло до 6 [Волкова 2001: 249]. В 1864 г. после взятия российскими войсками Хазрат-Султана и Чимкента³³ евреям было разрешено продолжить там торговлю. Тогда в Хазрат-Султане было 3–4 еврейских семьи, а в Чимкенте – 4–5 семей [Добромыслов 1912: 126, 191]. Посетивший Форт-Перовский в 1866 г. оренбургский губернатор А. К. Гейне особо отметил строительство там евреями «целого базара» и их намерение перевезти из Бухары свои семьи [Гейне 1898: 243]. Торговавшие на Сырдарье евреи были подданными Бухарского эмирата, и в 1866 г. им было предложено принять российское подданство.

Ко времени создания в 1867 г. в составе Туркестанского генерал-губернаторства Сыр-Дарьинской обл. с административным центром в Ташкенте, в той части ее территории, которая находилась в современных границах Казахстана, бухарские евреи временно или постоянно были расселены в Туркестане, Чимкенте, Перовске и Казалинске. К 1870 г. только в Перовске и Казалинске их насчитывалось 83 чел., в подавляющем большинстве мужского пола [Терентьев 1874: 132–133]. В 1878 г. бухарские евреи поселились за пределами Сыр-Дарьинской обл., в Тургае [Волкова 2001: 254]. В первой половине 80-х гг. XIX в. несколько семей бухарских евреев осели также в Аулие-Ате³⁴ [Неймарк 1947: 109]. Переселяясь в полиэтнические городские поселения на Сырдарье, бухарские евреи концентрировались в пределах территориально ограниченных моноэтнических

²⁸ В слободах и кварталах

²⁹ Совр. Туркестан.

³⁰ Совр. Кызылорда.

³¹ Налоговый сбор с торговых сделок.

³² Совр. Кызылорда.

³³ Совр. Шымкент.

³⁴ Совр. Тараз.

еврейских махалей. В Казалинске окружающее русскоязычное население именovalo махалю бухарских евреев еврейским посадом. В еврейских махалах Туркестана, Чимкента, Перовска и Казалинска открывались молитвенные дома, начали функционировать хомла³⁵ для религиозного образования мальчиков, закладывались еврейские кладбища.

В 1876 г. после упразднения Кокандского ханства, всем бухарским евреям, проживавшим на территории Туркестанского края до 1867 г., российские власти предоставили статус «туземцев». Получившие права «туземных евреев» имели возможность постоянного жительства и приобретения недвижимого имущества в пределах Туркестанского генерал-губернаторства. Как следствие, в конце 70-х–80-х гг. большинство еврейских торговцев перевезли из Бухарского эмирата свои семьи. Административно-полицейский учет в городах Сыр-Дарьинской обл. тогда был еще весьма несовершенен. Тем не менее, в 1885–1887 гг. на основании этих данных численность евреев достигла в Чимкенте 208 чел., Перовске – 22, Туркестане – 183, Казалинске – 89 [Обзор Сыр-Дарьинской обл. 1886: 325, 1889: 203]. Общую численность бухарских евреев на территории современного Казахстана в середине 80-х гг. XIX в. можно оценить в 0,7 тыс. чел.

В 1887 г. в рамках процесса интеграции среднеазиатского региона в состав Российской империи было введено «Положение об управлении Туркестанским краем», которое было направлено и на распространение в Туркестанском крае общероссийского законодательства. На практике это привело к ограничению прав бухарских евреев как обладавших «туземным» статусом, так и подданных Бухарского эмирата в возможности приобретения недвижимости в Туркестанском крае. Как представляется, основную роль сыграло общее ужесточение правового положения евреев в Российской империи в 80-х гг. XIX в., а также утрата на региональном уровне бухарскими евреями статуса «покровительствуемого» меньшинства, в ситуации окончательного утверждения российского господства в Средней Азии и ослабления там российско-британского соперничества. С 1889 г. правом приобретения недвижимости в Туркестанском крае могли пользоваться только те из бухарских евреев, кто обладал «туземным» статусом. Тем не менее, в 90-х гг. XIX в. приток бухарских евреев в города Сырдарьи продолжался. По данным административно-полицейского учета их численность в Казалинске

³⁵ Хедеры

возросла со 146 чел. в 1890 г. до 208 в 1895 г., в Перовске, соответственно, с 311 до 336. В Туркестане в 1894 г. насчитывалось 456 евреев, в Чимкенте 280 [Обзор Сыр-Дарьинской обл. 1892: 261; 1897: 183; 18976: 135]. Согласно неофициальным данным в Туркестане в 1896 г. проживало 69 семей бухарских евреев [Туркестанские скитания 1896: 289]. С учетом бухарских евреев в Аулие-Ате и Тургае их общая численность на территории современного Казахстана в середине 90-х гг. XIX в. может быть оценена в 1,3 тыс. чел.

В феврале 1897 г. в Российской империи была проведена Первая всеобщая перепись населения, охватившая и территорию современного Казахстана. В программе этой переписи отсутствовал вопрос о национальности опрашиваемых и при определении национального состава населения Российской империи современные исследователи могут опираться лишь на данные о его языковом и профессиональном составе. Современные казахстанские исследователи, анализируя итоги переписи 1897 г. для определения национального состава населения Казахстана в конце XIX в., опираются на данные о его языковом составе. Так Г.К. Кронгардт пришел к выводу, что в Южном Казахстане по данным переписи 1897 г. насчитывалось лишь 697 евреев [Кронгардт 1980: 230]. Но, как показывает предметный анализ результатов этой переписи о населении городов Казахстана, где в конце XIX в. были расселены бухарские евреи, последние фигурировали в них как иудеи с родными татарским (sic!), персидским, таджикским и лишь в Казалинске и Аулие-Ате, частично, с еврейским языками. Таковых по переписи 1897 г. насчитывалось: в Туркестане 493 чел., Чимкенте – 193, Перовске – 155, Казалинске – 120, Аулие-Ате – 24, Тургае – 58 [Перепись 1897, Т.86: 67–70]. Отсюда, общая численность бухарских евреев в Казахстане по данным переписи 1897 г. составляла 1043 чел. Сравнивая эти результаты с материалами весьма тщательного административно-полицейского учета бухарских евреев региона в конце XIX – начале XX вв., можно констатировать, что их недоучет по переписи 1897 г. составил около 15–20%. По данным на 1899 г. лишь половина бухарских евреев, расселенных на территории современного Казахстана, имела российское подданство. Остальные оставались подданными Бухарского эмирата [Каганович 2003: 112].

В первом десятилетии XX в. российские власти стали проводить целенаправленную политику недопущения притока в Туркестанский край новых еврейских мигрантов из Бухарского эмирата.

Более того, в марте 1900 г. Государственный совет принял решение о выселении бухарско-подданных евреев из России. Согласно этому постановлению некоторые категории выселявшихся получили пятилетнюю отсрочку, что позволило и остальным добиваться отмены выселения. В 1906 г. всем подлежащим выселению была предоставлена еще одна отсрочка до начала 1910 г. [Каганович 2003 а: 319–322]. К этому времени в Туркестане численность бухарских евреев оценивалась в 800 чел., в Чимкенте – свыше 600, в Перовске – 80 семей, в Казалинске – 25 семей [Добросмыслов 1912: 8, 80, 126, 191], в Тургае – 18 семей (89 чел.) [Волкова 2001: 254], Аулие-Ате – 4 семьи (21 чел.) [Гитлин 2008: 251]. Таким образом, в начале 1910 г. на современной территории Казахстана насчитывалось свыше 2,1 тыс. бухарских евреев.

В феврале–апреле 1910 г. из Сыр-Дарьинской обл. было изгнано 160 семей евреев – подданных Бухарского эмирата [Каганович 2003 б: 129, 151]. В конечном итоге им все же было разрешено не возвращаться в Бухарский эмират, а поселиться в 6 строго определенных городах Туркестанского края: Самарканде, Катта-Кургане, Коканде, Маргелане, Оше и Петро-Александровске. После завершения выселения в 1910 г. в Туркестане осталось 549 бухарских евреев, Чимкенте – 334, Перовске – 40 семей, Казалинске – 25 семей [Добросмыслов 1912: 18, 80, 126, 191], всего около 1,3 тыс. чел. В то же время, из Тургай, по-видимому, были изгнаны все бухарские евреи, и в 1911 г. на местной ярмарке торговали лишь евреи из числа приезжих [Волкова 2001: 254]. Выселения имели место и в 1911–1912 гг. В результате, только из Туркестана было выслано 100 из 140 проживавших в этом городе семей бухарских евреев [За неделю 1912: 13]. В 1912 г. по данным административно-полицейского учета в Туркестане насчитывалось только 145 евреев, Чимкенте – 239, Казалинске – 247, Перовске – 127, Аулие-Ате – 89 (включая отдельные семьи евреев-ашкеназов) [Обзор Сыр-Дарьинской обл. 1914: V]. Иными словами, накануне Первой мировой войны на современной территории Казахстана осталось не более 800 бухарских евреев.

Лишь в июле 1917 г. канцелярия Туркестанского комитета Временного правительства разослала через областные правления уездным комиссарам указание, согласно которому на основании декрета Временного правительства от 22 марта 1917 г. бухарские евреи (как граждане России, так и подданные Бухарского эмирата) получили право повсеместного жительства и приобретения недви-

жимого имущества на всей территории России, включая Туркестанский край.

При проведении Всероссийской переписи населения 1920 г. бухарские евреи на современной территории Казахстана фигурировали как «туземные евреи», каковых тогда было учтено 850 чел. [Воробейчиков и Гафиз 1924: 118], составлявших 0,7% всего городского населения республики. 313 из них были учтены в Чимкенте, 134 в Туркестане, 130 в Казалинске, 55 в Перовске [Материалы Всероссийских переписей 1920 г.].

К сожалению, сколько-нибудь релевантных данных о динамике численности и географии расселения бухарских евреев на территории Казахстана по данным советских переписей населения, начиная с первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., не существует, поскольку в материалах переписей они фигурировали или как евреи среднеазиатские, или в большинстве как евреи без уточняющего этнонима.

1. Волкова 2001 – Волкова Т. Среднеазиатские евреи в дореволюционном Казахстане: история и правовое положение // Материалы VIII Международной конференции по иудаике. – М., 2001. – С.246–256.
2. Воробейчиков и Гафиз 1924 – Воробейчиков А. и Гафиз Средняя Азия после размежевания // На историческом рубеже. – Ташкент, 1924. – С.94–118.
3. Гейне 1898 – Гейне А. К. Собрание литературных трудов. Т. II. – СПб., 1898.
4. Гессен [1913] – Гессен Ю. Иностранцы евреи. Средне-азиатские евреи // Еврейская энциклопедия. Т. VIII. – СПб., [1913].
5. Гитлин 2008 – Гитлин С. Исторические судьбы евреев Средней Азии. – Тель-Авив, 2008. Добросмыслов 1912 – Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарьинской области: Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата, Чимкент. – Ташкент, 1912.
6. За неделю 1912 – За неделю // Новый Восход. – 1912. – № 35.
7. Каганович 2003 а – Каганович А. Россия «абсорбирует» своих евреев: Имперская колонизация, еврейская политика и бухарские евреи // Ab Imperio. – 2003. – № 4.
8. Каганович 2003 б – Каганович А. Отношение русской администрации к бухарским евреям и их правовое положение в Туркестанском крае в 1867–1917 гг. Докторская диссертация. Еврейский Университет в Иерусалиме. 2003.
9. Кронгардт 1980 – Кронгардт Г. К. Переселенческое движение и демографические изменения в Южном Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы исторической демографии. – Томск, 1980.
10. Материалы Всероссийских переписей 1920 г. – Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись в Туркестанской республике. – Ташкент, 1923. 4.1, Вып. 3.
11. Неймарк 1947 – Неймарк Э. Путешествие по Востоку. – Иерусалим, 1947 (на иврите).

12. Обзор Сыр-Дарьинской области 1886 – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1885 г. – СПб., 1886.
13. Обзор Сыр-Дарьинской области 1889 – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1887 г. – Ташкент, 1889.
14. Обзор Сыр-Дарьинской области 1892 – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1890 г. – Ташкент, 1892.
15. Обзор Сыр-Дарьинской области 1897 а – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1894 г. – Ташкент, 1897.
16. Обзор Сыр-Дарьинской области 1897б – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1895 г. – Ташкент, 1897.
17. Обзор Сыр-Дарьинской области 1914 – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1912 г. – Ташкент, 1914.
18. Перепись 1897 г. – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 86. Сыр-Дарьинская область. – СПб., 1905.
19. Терентьев 1876 – Терентьев М. А. Статистический очерк Среднеазиатской России // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению статистики. – Т. 4. – СПб., 1876.
20. Туркестанские скитания 1896 – Туркестанские скитания // Туркестанские ведомости. – 1896. – № 69.
21. Wolff 1856 – Wolff J. Narrative of a Mission to Bokhara, in years 1843–1845. – London. 4 Ed., 1856.

Крутова Н. В.

ДАВИД КУПЕР И РЯДОМ С НИМ

Это исследование объединяет сведения, касающиеся следующих еврейских династий: Куперов, Куперштейнов, Шафировых, Фабрикантов. Все они проживали в г. Семипалатинске в конце XIX – начале XX вв. Работа стала возможной благодаря виртуальному сотрудничеству автора с Марком Николаевичем Купером,³⁶ внуком Давида Абрамовича Купера, от которого мы и отталкиваемся в нашем совместном повествовании.

Марк Купер попытался восстановить связи далеких и близких родственников, проживающих сегодня в разных странах и городах. А сохранившиеся в его семейном альбоме фотографии начала XX в. дают прекрасную возможность увидеть воочию многих, о ком идет речь в настоящей главе.

³⁶ М. Н. Купер (1936 г. р.) – уроженец г. Москвы. После службы в армии окончил Московский химико-технологический институт им. Менделеева, работал в нии «Пульсар», ведущем полупроводниковом предприятии страны. В 1980 г. эмигрировал в США, работал в Массачусетском технологическом институте (MIT), электронной компании Panametrics. С 2005 г. на пенсии.

На рубеже XIX–XX вв. большая часть еврейского населения проживала в т. н. местечках – (от польского мястечко – городок; на идиш – שטעטל, штетл), поселениях полугородского типа, чаще всего с преобладающим еврейским населением и располагавшихся на помещичьей земле или среди крестьянских земель. Основное занятие его жителей – ремесла и торговля. Некоторые местечки, образуя самостоятельные общества, имели особое мещанское управление, в других учреждалось упрощенное городское управление. Но чаще всего они все же территориально подчинялись ближайшему волостному правлению. В еврейском обиходе понятие «местечко» подразумевало характер своеобразного быта восточноевропейского еврейства, его религиозно-культурную обособленность и духовно-социальную автономию общины.

В одном из таких местечек – Тауроген³⁷ Россиенского у. Ковенской губ. (выделено из Вильненской губ. в 1842 г.) во второй половине XIX в. родился Давид Меер Абрамович Купер ([1870]–1907). Если в 1847 г. «Таурогенное еврейское общество» состояло из 410 душ, то уже к переписи 1897 г. местечко насчитывало 6655 жителей, из которых евреев – 3634 чел. Представители еврейской общины Ковенской губ. (в т. ч. и м. Тауроген) большей частью были заняты ремесленной промышленностью (пошив одежды, изготовление предметов туалета, изделий из кожи, обработка дерева, металла и др.) и торговлей преимущественно продуктами сельского хозяйства. В уездном г. Россиены существовала Талмуд-тора (1910 г.) и начальное двухклассное народное еврейское училище [1].

Когда и в каком составе Куперы переселились в Варшаву сказать сложно. Здесь в [1896 г.] Давид Абрамович Купер женился на Сарре Гиршевне (Софье Григорьевне), урожденной Фарбер (1876–1932). После свадьбы, согласно семейному преданию, Давид Абрамович Купер был послан фирмой коммивояжером по продаже кожевенных товаров в Сибирь, в г. Семипалатинск – один из областных городов Степного края, представлявший по описаниям современников следующее.

«...С голой степи, при утренних лучах солнца, он кажется нам красивым: рощи тополей дышат свежестью; военный лагерь блестит белыми палатками; вдали видны стройные минареты мечетей, белые колокольни церквей и целая линия серых домов... Вот и улица.

³⁷ Таураге (до 1917 г. официальное название – Тауроген) – в настоящее время небольшой городок в западной части Литвы.